Грегори Л. Фриз

«Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг.

Как правило, церковная историография — и на Западе и в странах бывшего Советского Союза — сосредотачивается на Церкви (как институте) и на духовенстве и уделяет мало внимания верующим и «народному православию». В последние годы такая односторонность, несмотря на провозглашенный интерес к «повседневной религии» («*lived religion*»), тем не менее, сохраняется; даже такая солидная работа как *Cambridge History of Christianity* в девяти томах отодвигает мирян на задний план и занимается *церковной* историей: взаимоотношениями Церкви и государства, учением и богословием духовных элит, церковных институтов, собственно историей духовенства, миссионерской деятельности и т. д.[1] Эта все еще доминирующая тенденция в историографии объясняется частично тем, что в дореволюционное время Церковь (духовенство и мирские преподаватели в семинариях и академиях) практически монополизировала исследования по церковной истории; причем, следует иметь в виду, что официальная церковная историография стремилась к тому, чтобы легитимировать свое превосходство над мирянами (духовенство как бы представляло «истинное православие» — в отличие от так называе-

Настоящая статья в расширенном виде напечатана на английском языке: *Freeze G.* Subversive Atheism: Soviet Antireligious Campaigns and Religious Revival in Ukraine in the 1920s//Ed. C. Wanner. State Secularism and Lived Religion in Soviet Russia and Ukraine. New York: Oxford University Press, 2012.

1. Cambridge History of Christianity, 9 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 2006–2009.

мого «двоеверия» или язычества темных народных масс). После Октябрьской революции, за 70 с лишним лет, научные исследования в области религии практически прекратились (за небольшими исключениями); задача состояла не в том, чтобы изучать религию (особенно православие), а чтобы разоблачать его «контрреволюционное» прошлое и его антисоветское настоящее. После развала Советского Союза вспыхнул громадный интерес к истории православия (преимущественно в советское время), но основное внимание опять же уделялось Церкви и духовенству[2]. На Западе преобладает та же тенденция — изучать институт и его служителей, уделяя меньше внимания самим верующим и их вере[3].

Главная задача теперь должна состоять в том, чтобы перейти от «истории церкви» к «истории религии» — т. е. изучать не Церковь и духовенство, а религиозные практики и роль верующих. Дело не только в том, что «мир мирян» остается главным пробе-

2. В последнее время появился целый ряд содержательных работ и документальных сборников об антирелигиозной политике режима. Например: *Петров С. Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.). М.: РОССПЭН, 2004; *Макаров Ю. Н.* Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД СССР (Окт. 1917-го — конец 1930-х годов. Дисс. на соискание... д.и.н. Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. В последнее время стали появляться провинциальные и региональные работы, напр.: *Хрусталев М. Ю.* Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1919-1930-х годах (на материалах Новгородской епархии). Дисс. на соискание... к.и.н. Поморский государственный университет, 2004; *Поляков А. Г.* Церковно-государственные отношения в 1917 – середина 1920-х гг.: (На материалах Вятской губернии). Дисс. на соискание... к.и.н. Вятский государственный университет, 2007. Украинские историки тоже стали вносить вклад в изучение истории Русской Православной Церкви: *Кукурудза А.* Демократизация православия 20-х гг. XX ст. Ривне: Выдаетц Олеч Зень, 2008; *Силантьев В. И.* Большевики и Православная церковь на Украине 20-е годы/Харьков: Харьковский государственный политехнический университет, 1998.

3. Западная историография сосредоточивается на высшей политике и почти исключительно на основе центральных архивов: *Luukkanen A.* The Party of Unbelief: The Religious Policy of the Bolshevik Party, 1917-1929. Helsinki: SHS, 1994; *Peris P.* Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless. Ithaca: Cornell University Press, 1998; *Steindorff L. et al., eds.* Partei und Kirchen im frühen Sowjetstaat: die Protokolle der Antireligiösen Kommission beim Zentralkomitee der Russischen Kommunistischen Partii (Bol'ševiki) 1922-1929. Münster: LIT, 2007; *Young G.* Power and the Sacred in Revolutionary Russia. University Park: Pennsylvania State University Press, 1997; *Greene R.* Bodies Like Bright Stars: Saints and Relics in Orthodox Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2010. Частичным исключением является лишь монография Хазбенда, который тоже использует лишь центральные архивные материалы, но обращает больше внимания на простых верующих: *Husband W.* «Godless Communists»: Atheism and Society in Soviet Russia, 1917-32. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2000.

лом, но и в том, что именно в советское время, когда советская власть практически разрушила Церковь (как институт, включающий его служителей), судьба Православной Церкви была в руках прихожан, а не духовных лиц. Короче говоря, особенно при изучении советского периода, надо перенести фокус с генералов на рядовых — прихожан, которые тогда находились у власти. В конце концов, выживание и будущее Православия в те годы зависели не от клириков, а от мирян-активистов.

Настоящая работа рассматривает Православную Церковь на Украине в 1920-е годы. Главный тезис статьи состоит в доказательстве *провала* большевистской антирелигиозной политики, которая не только не ликвидировала религиозные «пережитки» прошлого, но, наоборот, ненамеренно создавала условия для возрождения православия среди верующих. Важно не то, что советская власть хотела достигнуть, а что получилось. Религиозный подъем 1920-х годов был следствием, прежде всего, большевистской антирелигиозной политики, которая состояла по существу в «обмирщении» (*laicization*) Церкви: ликвидация церковных институтов и репрессии против духовенства привели к усилению (*empowerment*) мирян и их доминированию в Церкви. Иными словами, советская антирелигиозная политика способствовала переходу власти от *Церкви* (с большой буквы) к *церкви* (с маленькой буквы, т. е. — к приходу). Режим дезорганизовал институт Церкви и подверг духовенство (особенно епископов) суровым преследованиям, и власть в Церкви перешла к мирянам, которые стали ее настоящими хозяевами. В конечном счете, такая антирелигиозная политика оказалась контрпродуктивной: она удовлетворила долгожданные требования прихожан, ослабила контроль духовенства над религиозными практиками мирян, дала зеленый свет народной власти в приходе — основной ячейке Церкви. В результате религиозная жизнь в приходе не умирала, а, наоборот, процветала; приходская инфраструктура Церкви — сеть действующих приходов — не сократилась, а увеличилась, к изумлению и негодованию партийных элит. В конце 1920-х годов большевики, осознав свою полную неудачу, изменили свою политику по отношению к православию: с 1929 г. режим стал направлять свою антирелигиозную политику не только против Церкви, но и против церкви (прихода); не только против духовенства, но и против активистов-прихожан. Последние теперь впервые были включены в преследуемую категорию «церковников». Их значительное число стало жертвами репрессий 1930-х годов.

Социальная революция в приходе

Декретом от января 1918 г. Советская власть не только лишала Русскую Православную Церковь ее статуса «первенствующего исповедания», но и даже отказала ей в статусе юридического лица: ни иерархия, ни епархиальные советы, ни приходские священники не имели права руководить приходской церковью, ее имуществом и ее прихожанами. «Церковь» как национальный или епархиальный институт перестала существовать: она не могла иметь каких-либо отношений со светской властью, контролировать местную церковь или накладывать на мирян обязательные сборы[4]. Теперь не «Церковь», а только (местная) «церковь» пользовалась юридическим признанием; только миряне («двадцатка») могли действовать и представлять приходской общины верующих (в первую очередь, арендовать национализированные приходские храмы)[5]. «Расцерковление» (по аналогии с немецким термином *Entkirchlichung*), которое ликвидировало права и прерогативы церковных институтов и их служителей, имело два непредвиденных последствия: (а) социальную революцию в среде приходского духовенства; и (б) усиление позиций прихожан-активистов.

Как известно, во время и после гражданской войны духовенство — не только иерархия, но и приходские причты — подвергались репрессиям[6] и не редко физическому насилию[7]. Как «ли-

4. О применении Декрета к Украине, см. резолюции Волынского Губисполкома от 20.11.1920 в ГАЖО. Ф. Р-1657. Оп. 1. Д. 430. Л. 1–12.

5. Понятие «двадцатка» впервые появилось в Инструкции Наркомюста от 30 августа 1918 г. Инструкция разъясняла порядок применения Декрета об отделении церкви от государства; она была утверждена 24 августа и опубликована 30 августа в «Известиях», а также распространялась отдельными брошюрами среди официальных органов власти.

6. Впрочем, новые исследования указывают на то, что количество репрессированных было значительно меньше, чем раньше предполагалось. Александр Яковлев (A Century of Violence in Soviet Russia. New Haven: Yale University Press, 2002. P. 161) повторяет старые утверждения что «тысячи» духовных лиц были расстреляны, но более взвешенные оценки указывают на более скромные цифры. См. *Roslof*. Red Priests. P. 27. Локальные исследования подтверждают такие оценки и указывают на то, что в основном аресты и расстрелы были в 1918 г. См. *Поляков А. Г.* Церковно-государственные отношения.

7. Антиклерикальные выступления заставили некоторых священников отказаться от рясы в пользу светской одежды, и в 1919 г. один из них оправдывал это решение тем, что «духовные лица подвергаются в публичных местах глумлению, арестам и расстрелам». ДАХО. Ф. Р-230. Оп. 1. Д. 299. См. аналогичное заявление в 1922 г. Там же. Д. 1583. Л. 1-2.

шенцы»[8], духовные лица потеряли гражданские права и не могли работать в государственных учреждениях (например, в школах); подобная дискриминация распространялась и на их детей. Неудивительно, что многие добровольно отказались от духовного сана и, для получения права работы в советских учреждениях, публично отказались от церкви и православия. На их места поступили лица из других социальных групп; пресловутая «замкнутая кастовость» наследственного духовного сословия быстро исчезла: число священников из других сословий умножилось и в течение лишь нескольких лет стало преобладающим. То, что старый режим пытался достигнуть в течение полувека (с 1860-х годов), было реализовано в первые годы большевистской власти[9]. Например, в 1924 г. среди 208 священников в Екатеринославской губернии только 43% были выходцами из духовного сословия (практически все — старики), а 57% были недуховного происхождения (в основном крестьяне, плюс небольшая группа горожан и два дворянина). Одновременно резко упал образовательный уровень приходского духовенства: и закрытие духовных семинарий, и демократизация социального состава привели к тому, что новое поколение приходских пастырей не имело полного семинарского образования. В Екатеринославской губернии, например, лишь 38% окончили семинарию, а остальные учились в духовном училище (14%), в государственной школе (21%), дома (11%), или даже охарактеризовали себя как безграмотные (16%)[10].

Мало того, советская антирелигиозная политика перестроила структуру приходского духовенства: налоговый режим заставил многие приходы отказаться от дьяконов и псаломщиков и назначить на их место мирян-добровольцев. Уже давно недостатки (и образовательные и моральные) дьяконов и церковнослужителей вызывали критику со стороны архиереев и священников, но, несмотря на реформы, начатые с 1860-х годов, эти нижние члены причта продолжали составлять большинство приходского духовенства вплоть до 1917 г. Из-за налоговой политики, из-за нехватка приходских ресурсов[11], да и из-за желания мирян участвовать

8. См. *Alexopoulos G.* Stalin's Outcasts. Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926-1936. Ithaca: Cornell University Press, 2003.

9. *Freeze G.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Princeton: Princeton University Press, 1984.

10. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1846.

11. Например, в марте 1922 г. один церковный совет ликвидировал место дьякона «ввиду недорода, тяжелых материальных недостатков и упадка хозяйств в прихо-

в церковных службах во многих местах приходской причт все чаще состоял только лишь из священников, без дьяконов и псаломщиков. Так, сокращение штата приходского духовенства одновременно избавило Церковь от морально сомнительных, необразованных нижних членов причта и открыло новые возможности для участия мирян в церковных службах (в качестве помощников священника, членов церковного хора и т. д.).

Есть еще другой важный момент: революция сделала духовенство еще более материально зависимым от прихожан. До 1917 г. духовенство жаловалось не только на недостаточный, но и на унизительный способ материального обеспечения, в особенности, зависимость местного причта от «добровольных даяний» прихожан[12]. Все-таки каждый причт имел некоторые другие статьи доходов: приходский земельный участок (33 дес.), а нередко и другие источники (государственные субсидии, арендованные дома и т. д.). Все это исчезло после Октябрьской революции: священник не мог больше рассчитывать ни на земли, ни на другие источники, а стал полностью зависимым от местного прихода (прежде всего в виде добровольной платы за религиозные требы).

Эта зависимость теперь означала и, собственно, само назначение священника: теперь приход, а не местный иерарх, решал вопрос о назначении и увольнении членов местного клира. Резко изменился порядок, который существовал со времен Петра Великого вплоть до 1917 г. и по которому епископ назначал и переводил священников по своему усмотрению. С демонтажом Церкви как института этот вопрос теперь оказался в ведении прихода. Хотя теоретически епископ сохранил свой авторитет, на практике — теперь без признания гражданских властей, без налогов на приходы, без канцелярии, без епархиальной прессы — епископ мог только призывать и уговаривать, а не приказывать и назначать вопреки воле мирян[13].

де до минимума». ДАХО. Ф. Р-230. Оп. 1. Д. 1768. Л. 12 об.

12. См., например, «мнения» духовенства на опрос Особого присутствия по делам духовенства: РГИА. Ф. 804. Оп. 3. Типичными были ответы от приходского священника во Владимирской епархии. См.: *Фриз г.Л.* Менталитет приходского священника: «Мнения» об улучшения быта духовенства//Провинциальное духовенство дореволюционной России. Т. 3. Тверь 2008. С. 128–143.

13. Совласть запретила епископам держать у себя канцелярию и консисторию (которая теперь называлась епархиальным советом). В характерном приказе от 22.11.1922 Житомирский губисполком приказал «ликвидировать епархиальный совет», якобы за нарушение законных обязанностей. См.: ДАЖО. Ф. Р-1657. Оп. 1. Д. 233. Л. 2. Из-за таких мер и отсутствия доходов епархиальная администра-

Приходская власть

На Украине, как и в РСФСР, власть была в руках прихожан (церкви), но не духовенства (Церкви). Хотя главная цель большевиков состояла в том, чтобы дезорганизовать и обессилить Церковь, их тактика дала мирянам полную монополию в Церкви и, тем самым, возможность реализации всего того, что уже в течение десятилетий со все возрастающей настойчивостью требовали прихожане[14]. Уже летом 1917 г. прихожане стали, к ужасу местного духовенства, брать власть в свои руки. По существу, советский Декрет об отделении Церкви от государства лишь легитимировал то, что уже существовало на практике. В последующие годы духовенство жаловалось на то, что прихожане, а особенно церковный староста и церковный совет, доминировали в приходской жизни и самочинно решали все вопросы[15].

Прихожане ярко продемонстрировали свою власть во время изъятия церковных ценностей в 1922 г. Большевики (в первую очередь Ленин и Троцкий) подчеркивали, что надо не только конфисковать церковное богатство, но и разоблачить контрреволюционную сущность духовенства. Хотя некоторые представители духовенства принципиально отвергали изъятие[16], самое действенное сопротивление оказали прихожане. Они же были настоящими хозяевами прихода и выступали в защиту *своего* церковного имущества. Как объяснил один священник (обвиненный в укрытии церковных ценностей), «Мы теперь являемся общественными паразитами, наемниками прихода. Хозяин у нас община»[17].

Местные советские органы сразу же поняли, что имеют дело не с контрреволюционным духовенством, а в первую очередь

ция не могла регулировать приходскую жизнь; в феврале 1922 г. епархиальная канцелярия жаловалась на то, что во многих приходах священники служат без всякой санкции со стороны епархиальных властей (ДАХО. Ф. Р-230. Оп. 1. Д. 1774/1. Л. 34). В 1924 г. Патриарх Тихон писал М. Калинину, председателю ЦИК, о необходимости сформировать епархиальную администрацию (*Покровский М.Н., Петров С.Г.* Архивы Кремля: Политбюро и церковь 1922-1925 гг. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 2. С. 427–429).

14. См. *Freeze G.* All Power to the Parish? The Problem and Politics of Church Reform in Late Imperial Russia//*Palat M.K., ed.* Social Identities in Revolutionary Russia. London: Macmillan, 2001. P. 174-208.

15. ДАХО. Ф. Р-230. Оп. 1. Д. 1773. Л. 16 об.-17.

16. Например, в рапорте от 1-6 мая 1922 г. в ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1450. Л. 119.

17. ДАЖО. Ф. Р-1820. Оп. 2. Д. 5870. Л. 26-298 об.

— с верующими. Отчеты с мест указывают не на сопротивление духовенства, а яростную реакцию «толпы» мирян:

> Не успели мы войти в ограду церкви, как со всех сторон стала сбегаться публика, которая стала кричать и ругаться, указывая нам на то, что их грабят не для голодающих, а для коммунистов, которые все это спустят заграницу... Наконец изъятие было проведено, ценности забраны, мы их уложили на автомобиль и стали уезжать, ... и вдруг взрыв ругани: «грабители, воры, негодяи, подлецы». Вот крики, с которыми нас проводили[18].

Такое яростное сопротивление заставило местные власти уступать и отказываться от категорического исполнения приказов об изъятии, что и вызвало новые угрозы со стороны вышестоящих органов[19].

Миряне также играли решающую роль в борьбе главных церковных группировок — тихоновцев («староцерковников»), обновленцев («живоцерковников») и автокефалистов. Украинские партийные органы, следуя указаниям из Москвы, косвенно, но определенно поддержали живоцерковников[20]. Пользуясь активной поддержкой со стороны властей[21], обновленцы подчеркивали свою лояльность к делу революции и к соввласти, как, например, в заявлении одного собрания в январе 1923 г.: «С признанием справедливости и необходимости социалистической революции, необходимо отмежеваться от контр-революции, а для этого необходимо выбросить из Церкви реакционно-настроенной элемент, и впредь такового не впускать в ограду Церкви»[22]. ОГПУ, разумеется, принимало соответствующие меры, чтобы

18. ДАЖО. Ф. Р-1820. Оп. 2. Д. 5870. Л. 67.

19. См., напр., телеграмму из Харькова, 15.05.1922: «Однако, несмотря на указанные сроки, изъятие ценностей продолжается с недопустимой медленностью. Предлагается ускорять работу с тем, чтобы закончить изъятие к половине мая. Дальнейшее промедление допустимо при наличии усложняющих работу обстоятельств не далее как до двадцатого. Для Сибири последней срок 1-ого июня. Те Губисполкомы которые не закончат к указанному сроку будут привлечены к ответственности по советской линии». ДАЖО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 28. Л. 32. См. также протокол Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей от 31.05.1922: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 995. Л. 9.

20. *Roslof E.* Red Priests, с обзором историографии.

21. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1450. Л. 1-2.

22. ДАХО. Ф. Р-230. Оп. 2. Д. 500. Л. 21-23.

только «надежные» люди были у власти среди обновленцев[23] и подвергло тихоновцев преследованиям[24].

Но вмешательство светской власти во внутренние дела Церкви оказалось контрпродуктивным: оно подрывало авторитет самих обновленцев и вызывало подозрение, недовольство, сопротивление со стороны прихожан. Безусловно, как утверждается в историографии, верующие выступали против обновленцев частично из-за того, что те пользовались покровительством властей, но и частично из-за того, что многие миряне отказывались от самой обновленческой программы. Однако следует иметь в виду, что более всего прихожане выступали против кампании обновленцев по восстановлению институционального контроля над приходами[25]. Таким образом, миряне выступали не только в защиту традиции и старинных обрядов, но и в защиту своих новых прав как самостоятельных хозяев местной церкви. Когда, например, живоцерковная областная администрация пыталась назначить нового священника, это вызывало ожесточенную оппозицию со стороны прихожан, которые категорически отказались принимать и материально обеспечить нежеланного настоятеля храма[26]. Такое приходское самоутверждение получало обоснование, например, в следующем протесте, в котором прихожане отказались принимать священника: «Декретом советской власти, хотя церковные приходы и не признаны как юридическое лицо, но, тем не менее, уполномоченными от власти заключен договор с церковным советом. Причем Советы признаны полными хозяевами своей церкви и на их попечении и ответственности находятся и пастыри церкви»[27]. Хотя прихожане, как правило, были плохо информированы о чисто канонических и литургических вопросах[28], они относились крайне враждебно

23. См. «Характеристика членов Украинского синода, избранного 27 окт. 1923 г.» (ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1772. Л. 121).

24. См. протокол Украинского Политбюро от 23.11.1923 о необходимости принимать меры против тихоновского движения: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1. Л. 12. См. также «Доклад о положении церкви на Украине» (ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1772. Л. 30).

25. Речь идет о попытках обновленческих административных органов восстановить контроль над приходом—от назначения священника до урегулирования церковных служб (например, по новому календарному стилю).

26. Типичным является сл. дело в ДАХО. Ф. Р-230. Оп. 2. Д. 671.

27. ДАХО. Ф. Р-230. Оп. 2. Д. 519. Л. 14 (протокол церковного совета).

28. Вопрос о литургическом языке (старо-славянском, русском или украинском) имел свои особенности на Украине и вызвал небольшую, но растущую поддержку, осо-

к попыткам живоцерковников применить новый западный календарный стиль[29].

Хотя режим предполагал, что раскол дезорганизует Российскую Православную Церковь, на самом деле он только усилил религиозное самосознание и преданность традиционному народному православию. В июне 1922 г. волынские власти прислали следующий рапорт:

> За последнее время на Волыни заметно усиливается рост всевозможных религиозных течений, носящих искаженный, театрально-искусственный характер, в результате чего в селах устраиваются крестные ходы под предлогом мифических чудес, обновления икон, видения святых снов[30].

Поняв, что репрессии духовенства, ликвидация Церкви как института и грубая антирелигиозная кампания (например, против святых мощей) не дали желаемых результатов, в 1923 г. партия резко изменила свою позицию и провозгласила «новую религиозную политику».

Лицом к деревне, 1923–1927

Первый сигнал об изменении курса появился не в Москве, а в Харькове: 3 марта 1923 г. украинское Политбюро признало, что деревня категорически против нового календаря и приказало партийным и советским органам не вводить новый порядок в сельских местностях[31]. Через месяц VII съезд КП(б)У формально принял резолюцию о необходимости улучшать взаимоотношения с сельскими массами[32], и несколько позже XII съезд ВКП(б) в Москве одобрил аналогичное постановление. На пленуме 22 июня 1923 г. ЦК КП(б)У принял «Тезисы об антирелигиозной пропаганде», которые открыто признали провал

бенно среди горожан и интеллигенции, в пользу «автономной украинской церкви».

29. См. ДАХО. Ф. Р-230. Оп. 1. Д. 1776. Л. 2. Подробный анализ календарного вопроса см. в: *Freeze G.* Counter-Reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922-1925//Slavic Review 1995. Vol. 54. P. 305–339.

30. ДАЖО. Ф. Р-1657. Оп. 1. Д. 430. Л. 54.

31. Протокол Политбюро КП(б)У от 3.3.1923 (ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 40. Л. 30 об.).

32. *Krawchenko B.* Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine. Oxford: Macmillan, 1985. P. 101.

кампании против религии и «суеверия» и обвинили местные партийные органы (в Донбассе, Екатеринославе, Полтаве, Одессе, и Чернигове) в эксцессах, спровоцированных среди сельского населения[33].

За следующие четыре года партийное руководство категорически запретило «административные меры» (эвфемизм прямого насилия) по отношению к верующим[34]. ОГПУ даже защищало верующих от агрессивных мер. В феврале 1925 г., например, оно сообщило о злоупотреблениях в двух районах: «В Радомысльском и Коростышевском р-нах местные власти проводили анти-религиозную пропаганду довольно своеобразным образом: нежелавших разойтись колядников на рождество избивали винтовками»[35].

Хотя партия требовала более активной антирелигиозной кампании со стороны органов агитпропа, на самом деле такие попытки «перевоспитания» оставались минимальными и малоэффективными. Доклад об агитпропе в 1924 г. констатировал, что антирелигиозные агитаторы были плохо подготовлены и что местные органы уделяли мало внимания такой антирелигиозной работе[36]. Но такая маргинализация объясняется не равнодушием, а тем, что партийные органы — особенно слабые в сельских районах — имели длинный список других, высокоприоритетных задач[37]. Как вспоминал один комсомольский активист: «Нам хотелось отнять от религии, суеверия и пьяниц народные обычаи и использовать их для украшения жизни советских людей. Но у нас не было времени и возможности для этого»[38]. В конце 1927 г. украинское партийное руководство признало, что антирелигиозная пропаганда сильно ослабела и, чаще всего, совсем прекратилась[39].

33. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 44. Л. 206–213.

34. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1772. Л. 7-9.

35. ДАЖО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 320. Л. 23 (доклад ГПУ, 3.2.1925).

36. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1845. Л. 14 (Донецкий губком, «Отчет о состоянии антирелигиозной пропаганды», 1924).

37. Например, см. рапорт отдела Агитпропа в Житомирском укоме, фев. 1923 г. в ДАЖО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 90. Л. 4-4 об. Ср. доклада Отдела пропаганды, 4.8.1923, в ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1450. Л. 22.

38. ДАЖО. Ф. Р-2668. Оп. 4. Д. 252. Л. 23 (воспоминания Н. В. Федоренко).

39. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2494 (Материалы для обсуждения на агитпроссовещании по вопросу о религиозных движениях и об антирелигиозной пропаганде на Украине, 29.12.1927).

Религиозный подъем

К растущему изумлению большевиков, народное православие не исчезало, а, наоборот, усиливалось. Показателем этого религиозного подъема стала эпидемия «чудес» и «обновления икон», которые привлекали массу верующих даже из далеких мест и других областей[40]. Попытки запретить такие явления только вызывали негодование и ожесточенное сопротивление со стороны верующих[41]. Хотя некоторые партийные деятели хотели свалить вину за это на козни духовенства[42], другие поняли, что местные органы просто потеряли даже видимость контроля над религиозной жизнью народа[43]. Только в 1924 г. партийные функционеры насчитали 586 «чудес», которые явились поразительным показателем и мощи народного православия, и слабость партийных и советских органов[44]. Ситуация на Украине настолько обеспокоила Антирелигиозную комиссию в Москве, что она отправила особых представителей расследовать причины и масштабы религиозного подъема в УССР[45].

С точки зрения режима, проблема состояла не только в проявлении «суеверий», но и в растущем авторитете Церкви и духовенства. Такую оценку дал Житомирский окружком в своем донесении от апреля 1924 г.: «Прокатившаяся волна религиозного фанатизма среди широких крестьянских масс в настоящий момент не только не закончилась и не затихла, но вызвала соответствующую реакцию, повысив авторитет церкви и религии,

40. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1772. Л. 37-39 («Обзор религиозного движения, авг.-окт. 1923 г.).

41. Например, председатель одного сельсовета приказал: «Разойтись людям, прекратить моление и не показывать как будто бы обновленную икону. Такими действиями Предсельсовет возмутил против себя население. Начраймилиции поручено 22-ого сентября за № 4418 выехать в село Макалевичи и произвести по этому поводу расследование». ДАЖО. Ф. Р-846. Оп. 2. Д. 117. Л. 6.

42. После столкновения с верующими (из-за требований прекратить неразрешенную публичную процессию, что и вызвало конфликт и «разные нелестные эпитеты»), райисполком пытался приписывать конфликт действиям местного духовенства: «Означенное явление носит по Адрушевскому району массовый характер, при чем, нужно заметить, что в указанном движении ведет подпольную работу духовенство совместно с главарями общими и куркульными» [кулацкими]. ДАЖО. Ф. Р-85. Оп. 1, д.77. Л. 3-3 об.

43. ЦДГАОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1772. Л. 40-48.

44. Там же. Оп. 6. Д. 6. Л. 79-114.

45. См. постановление Антирелигиозной комиссии от 26 окт. 1923: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 565а. Л. 43-45.

так что случаи влияния попов стали более частыми»[46]. Партийные руководители в другом районе тоже жаловались на признаки растущей религиозности: «Замечающееся в последнее время усиление религиозности, в особенности среди крестьянства, волна «чудес» и «обновлений», паломничества к этим «чудесам» крестных ходов, «поминок» различных религиозных и «чудесных» легенд и т. п., рост на селе сектантства в различных его видах и проявлениях — все это ставит перед нашей партией задачу систематической и упорной борьбы с религиозными верованиями и предрассудками»[47]. Аналогичные рапорты поступали от ОГПУ (например, в докладе от 1925 г. по поводу религиозного подъема в Полтавской области)[48]. Из Могилева поступило следующее сообщение в июле 1925 г.: «Окружком отмечает усиление религиозного движения в округе. Значительно увеличилось количество просьб о разрешении крестных ходов, освящение колодцев и др.»[49].

Для того чтобы определить размер религиозного подъема, в 1925 г. власти стали собирать статистические данные о состоянии церкви и духовенства на Украине. По этим данным, в республике все еще существовала обширная сеть религиозных групп: у живоцерковников были 1.497 приходов (с 921.880 прихожанами), у патриаршей-тихоновской Церкви 6.453 приходов (с 4.819.627 прихожан), и у автокефалистов 989 приходов (с 680.298 прихожан) — всего 8.939 приходов (с 6.481.805 прихожан)[50]. Включая все христианские и сектантские группы, примерно 40,8% взрослого населения (18 лет и старше) являлись активными, формально зарегистрированными членами церкви. Учитывая дискриминации и угрозы в отношении тех, кто открыто стали членами религиозных объединений, такой процент был поразительной цифрой. Если учесть боязливых или просто пассивных верующих, открыто не идентифицировавших себя с церковью, количество православных, несомненно, составляло громадное большинство населения. Партийные специалисты по религиозному вопросу предполагали, что 85% сельских жителей были либо зарегистри-

46. ДАЖО. Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 54. Л. 61.

47. ДАЖО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1503. Л. 6-7

48. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2006. Л. 87 об.

49. ДАЖО. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 319. Л. 65.

50. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2006. Л. 83-86.

рованными прихожанами, либо людьми, готовыми поддержать местную церковь[51].

Повышение религиозности, конечно, не замечалось повсеместно: по партийным оценкам лишь от 14 до 22% городских жителей были верующими, и некоторые сельские органы докладывали о снижении религиозности, особенно среди молодежи и рабочего класса. Например, из Волыни сообщили, что в Черняховском районе в одном селе «отмечено уменьшение религиозности со стороны молодежи, насмешливо относящейся к священнику», и в другом (Любарском) районе «наблюдается упадок религиозности»[52]. Из другого района поступила подобная оценка: «В Лученконском сельсовете отмечено падение религиозности. Посещают церковь преимущественно старики и женщины. Среди молодежи в последнее время посещение церкви стало считаться позорным и когда хочется кого-либо обидеть, то ему говорят «ты иди лучше в церковь»»[53].

Такое расхождение в оценках свидетельствует об амбивалентной позиции партийных аппаратчиков, которые то ли отражали разные тенденции, то ли хотели представить дело в наилучшем, позитивном виде. Но такие оценки составляли исключение: основная масса ответственных лиц, как партийных, так и советских (включая ОГПУ), констатировали, что соблюдение религиозных обязанностей было на подъеме, и привели данные о посещаемости церкви, о количестве исповедующихся и причащающихся, о финансовых пожертвованиях в пользу храма и духовенства. Было установлено, например, что в течение одного года религиозные организации получили 13,9 миллионов рублей — по мнению властей, громадная сумма, которая отражала не только улучшение благосостояния народа, но и растущее влияние церкви и духовенства[54]. Такая щедрость замечена была даже в городских церквах: Софийский собор в Киеве, например, увеличил свои доходы на 48,8%

51. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2494. Л. 12-27. На заседании 23 мая 1929 г. Антирелигиозная комиссия тоже дала очень высокую оценку религиозности: 80%. См. *Елисеев А.Л.* Политика советского государства по отношению к Русской православной церкви в 20-30-е годы. Дисс. на соискание... к.и.н. М.: Московский государственный автомобильно-дорожный институт (технический университет), 1997.

52. ГАЖО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 320. Л. 5, 10.

53. Там же. Л. 196.

54. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2006. Л. 117.

за такой же небольшой срок[55]. Как и следовало ожидать, высокой религиозностью отличались пожилые, сельчане и женщины. Например, в 1927 г. женщины составляли 62% прихожан в городах[56]. Роль женщин была особенно заметной в сельских районах. Посетив 25 сел в 1925 г., партийный наблюдатель пришел к заключению, что именно женщины составляли стержень религии в деревне[57].

Тем не менее, поступали и тревожные сообщения о том, что оплот режима — рабочие, молодежь и крестьянская беднота — также проявили растущий интерес и привязанность к православию (правда, «под влиянием классовых врагов советской власти»). Например, секретное донесение ОГПУ в сентябре 1924 г. содержало следующее предупреждение: «Под влиянием агитации кулаков и духовенства бедняцкая молодежь бросает хаты-читальни, записывается в религиозные общины и начинает пьянствовать»[58]. Дела о регистрации церковных советов и прихожан указывают на то, что возрождение православия имело под собой широкую базу в разных слоях населения. К примеру, официальные данные о 513 церковных («тихоновских») приходах в Полтавской области в 1925 г. показывают, что из 5.574 членов церковных советов 33,6% были кулаками, 44,1% середняками, 21,5% бедняками, и 0,8% батраками. Хотя кулаки были представлены диспропорционально своей численности среди крестьян, две трети самых активных православных (зарегистрированных членов церковного совета) были из средних и низших слоев крестьянства. Репрезентативность некулацких слоев была еще больше среди рядовых верующих: 15,5% были кулаками, 42,1% середняками, 37,7% бедняками, и 4,7% батраками. Религиозная практика — исполнение основных таинств — тоже отражала усиление веры среди населения. За период 1925–1927 гг., например, официальная статистика регистрировала рост в количестве говеющих в 52 приходах в Лубенском округе (с 72.543 до 76.537) и в 30 приходах в Харькове (с 37.560 до 39.379). За тот же период количество исповедующихся в 20 приходах в Харьковском округе возросло с 16.612 до 27.803[59].

55. Там же. Д. 2494. Л. 12–27.

56. Там же.

57. Там же. Д. 2007. Л. 13-14.

58. ДАЖО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 99. Л. 53.

59. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2006. Л. 90-99 об.

К концу 1927 г. власти не могли не быть обеспокоены неожиданным возрождением Православной Церкви: за десять лет она восстановила те позиции, которые она имела в 1917 г., или даже укрепила их. Например, количество священников в украинских епархиях не уменьшилось, а увеличилось (с 10.565 в 1914 г. до 10.657 в 1927 г.). Одновременно Церковь избавилась от массы малограмотных, морально скомпрометированных дьяконов и псаломщиков. Хотя большевикам удалось демонтировать институциональную Церковь, однако тем самым они усилили позиции мирян-активистов и невольно укрепили приходскую церковь.

Важным явился сопутствующий политический эффект: с точки зрения самих коммунистов, религиозный подъем обозначал не только возвращение «суеверий», но и восстановление роли Церкви и духовенства, которые, по партийным стереотипам, составляли оплот контрреволюции. С точки зрения партийцев, православное возрождение приравнивалось к контрреволюции — к укреплению Церкви и духовенства. Характерным является рапорт ОГПУ о вредной политической деятельности священников:

> В селе Швайковске — Трояновского района духовенство повело агитацию против хаты-читальни, указывая на то, что записывающиеся в хаты-читальни, записываются в коммуну... В селе Галиевке –Ингушского района, Андреевичи Сербы — Городницкого района попы агитируют против посылки детей в совшколы... В селах... агитация о том, что «[не]урожай — это наказание Бога на коммунистов» —продолжается[60].

Аналогичная оценка поступила из ОГПУ в октябре 1924 г.:

> Духовенство продолжает укреплять свои позиции на селе и стремится всеми мерами завоевать симпатии широких крестьянских масс. Это им нередко удается и, несмотря на большую нужду в хлебе, крестьяне все же нередко производят различные сборы в пользу попов. Последние прилагают все усилия к развитию религиозного чувства среди населения. В Пулинском районе последний храмовой праздник собрал из окрестных сел свыше 3.000 человек (села: Новый Завод, Дерман, Чеховцы). В с. Чернявке того же района, под

60. ДАЖО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 99. Л. 18-19.

> влиянием попа, крестьяне не поддерживают школы от того, что там не преподается закон божий[61].

В другом рапорте ОГПУ утверждалось, что проповеди священников «носят антисоветский характер»[62]. Последовало много обвинений в антисоветской деятельности:

> 15 февраля [1925г.] в с. Полонном после службы священник Третьяк выступал с проповедью на тему о соблюдении церковных обрядов, причем указывал, что Соввласть в этом отношении творит насилие, и что кто не совершит церковного брака, того ждет кара божья.
>
> В с. Корытном Плужанского района священник Добрутский произнес проповедь, в которой между прочим сказал, что «мы теперь переносим разные гонения, но наступит час, когда мы возьмем все под свое влияние и сбросим с плеч ржавые цепи, которые на нас наложила Соввласть».
>
> Священник с. Харебки Казаченко усиленно убеждает крестьян, что Соввласть будет существовать только до весны, после чего придут поляки или Петлюра и освободят их от гнета коммунистов[63].

Хуже всего, с точки зрения властей, было то, что усилилось влияние не обновленческого, а тихоновского и автокефалистского духовенства[64]. Отношение к Патриаршей церкви уже давно было обостренным. Положение не улучшилось после освобождения патриарха Тихона из-под ареста летом 1923 г.[65] Но Украина имела свою особенность — растущее движение автокефалистов. В 1922 г. эта группировка контролировала лишь 300 приходов, но потом стала играть все большую роль, увеличивая количество своих приходов к 1925 г. до 1.600 (примерно столько же, сколько у обновленцев)[66]. Озабоченность ростом автокефалистов была, несомненно, связана с развитием украинского национализма, от-

61. Там же. Д. 99. Л. 67.
62. Там же. Д. 320. Л. 138.
63. Там же. Л. 158.
64. Об упадке обновленчества см. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2007. Л. 63.
65. См. протокол Антирелигиозной комиссии от 1.03.1925: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2006. Л. 56-57.
66. Там же. Д. 2007. Л. 1-9.

личавшегося открытой русофобией[67]. В октябре 1925 г. власти пришли к заключению, что автокефальная церковь является скорее «политической», чем «религиозной» группой, и что 70% ее руководства состоит из антисоветских деятелей[68]. Типичным было сообщением от июля-августа 1925 г. о деятельности одного иерарха-автокефалиста:

> 13 июня в с. Перещепино архиерей-автокефалист произнес три проповеди. В своих проповедях он высказался, что украинская церковь олицетворяет самостийность, что нужно все другие национальности, живущие на Украине выселить. Присутствовало до 500 чел. Проповеди слушались сочувственно. 14 июня во время служения он повторил свои проповеди, произнесенные накануне, призывая к объединению и защите веры, как защищали ее запорожцы. К проповеди отнеслись с большим сочувствием, особенно петлюровски настроенная интеллигенция. Один из присутствовавших заявил: «Через Украинскую церковь ме добьемся самостийности Украины»[69].

Во всех отношениях, включая, как мы видим, политическим аспект, антирелигиозная политика 1920-х годов (как и во многих других направлениях НЭПа) потерпела полный крах.

Великий перелом на религиозном фронте

К концу 1920-х годов власти, увидев религиозный подъем и первенствующую роль мирян в церкви, приняли радикальное решение провести насильственную секуляризацию[70]. Теперь коммунисты говорили не только о «контрреволюционных кулаках и попах», а о «церковниках», т.е. не только о духовенстве и кулаках, но о рядовых верующих, приходских активистах. Терминология была очень многозначительна: теперь режим объявил войну не только Церкви и духовенству, но и приходу и прихожанам. В конечном счете, режим понял, что миряне — это и есть церковь,

67. Там же. Оп. 6. Д. 32. Л. 117; Д. 13. Л .7; Д. 29. Л. 40.

68. Там же. Д. 2007. Л. 1-9.

69. ДАЖО. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 319. Л. 83-84

70. *Freeze G.* Stalinist Assault on the Parish, 1929-1941//*Hildermeier M., ed.* Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg; Neue Wege der Forschung. Munich: Oldenburg Verlag, 1998. P. 209-232; *Freeze G.* Von Entkirchlichung zu Laisierung: Staat, Kirche, und Gläubige in Rußland//*Meier H., ed.* Politik und Religion. Munich: Piper-Verlag, 2013 (в печати).

и, следовательно, надо бороться именно с ними. Впоследствии не только архиереи, монахи и священники, а и простые верующие стали жертвами репрессий большого террора.

Библиография

Архивные материалы

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ф. 17 (ЦК КПСС).

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Ф. 804 (Присутствие по делам православного духовенства при Синоде).

Державный архив Харьковской области (ДАХО).

Ф. Р-230 (Епархиальный совет [обновленческий]).

Центральный державный архив громадс'ких об'единан Украини (ЦДАГОУ).

Ф. 1 (Центральный Комитет Коммунистической Партии Украины).

Державный архив житомирской области (ДАЖО).

Ф. Р-2 (Волынский губком).

Ф. Р-85 (Житомирскй (Волынский) окрком).

Ф. Р-86 (Коростенский окрком).

Ф. Р-88 (Бердичевский окрком).

Ф. Р-692 (Городницкий райисполком).

Ф. Р-846 (Малинский окрисполком).

Ф. Р-1657 (Отдел управления Жолгубисполкома).

Ф. Р-1820 (Ревтрибунал).

Ф. Р-2668 (Партархив Житомирской области).

Литература

Кукурудза А. Демократизация православия 20-х гг. XX ст. Ривне: Выдаетц Олеч Зень, 2008.

Макаров Ю.Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД СССР (Окт. 1917-го — конец 1930-х годов). Дисс. на соискание... д.и.н. Санкт-Петербургский государственный университет, 2007.

Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.) М.: РОССПЭН, 2004.

Покровский М.Н., Перов С.Г. Архивы Кремля: Политбюро и церковь 1922–1925 гг. М.: РОССПЭН, 1998.

Поляков А.Г. Церковно-государственные отношения в 1917 — середина 1920-х гг.: (На материалах Вятской губернии). Дисс. на соискание... к.и.н. Вятский государственный университет, 2007.

Силантьев В.И. Большевики и Православная церковь на Украине в 1920-е годы. Харьков: Харьковский гос. политиехнический ун-т, 1998.

Фриз Г.Л. Менталитет приходского священника: «Мнения» об улучшения быта духовенства//Провинциальное духовенство дореволюционной России. Том 3. Тверь, 2008. С. 128–143.

Хрусталев М.Ю. Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1919–1930-х годах: (На материалах Новгородской епархии). Дисс. на соискание... к.и.н. Поморский государственный университет, 2004.

Alexopoulos G. Stalin's Outcasts. Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926-1936. Ithaca: Cornell University Press, 2003.

Freeze G. All Power to the Parish? The Problem and Politics of Church Reform in Late Imperial Russia//*Palat M.K., ed.* Social Identities in Revolutionary Russia. London: Macmillan, 2001. P. 174–208.

Freeze G. Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941//*Hildermeier M., ed.* Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung. Munich: Oldenburg Verlag, 1998, P. 209–232.

Freeze G. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Princeton: Princeton University Press, 1984.

Freeze G. Von Entkirchlichung zu Laisierung: Staat, Kirche, und Gläubige in Rußland//*Meier H., ed.* Politik und Religion. Munich: Piper-Verlag, 2013 (в печати).

Greene R. Bodies Like Bright Stars: Saints and Relics in Orthodox Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2010.

Husband W. "Godless Communists": Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2000.

Krawchenko B. Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine. Oxford: Macmillan, 1985.

Luukkanen A. The Party of Unbelief: The Religious Policy of the Bolshevik Party, 1917–1929. Helsinki: SHS, 1994.

Peris P. Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless. Ithaca: Cornell University Press, 1998.

Steindorff L. et al., eds. Partei und Kirchen im frühen Sowjetstaat: die Protokolle der Antireligiösen Kommission beim Zentralkomitee der Russischen Kommunistischen Partii (Bol'ševiki) 1922–1929. Münster: LIT, 2007.

Yakovlev A. A Century of Violence in Soviet Russia. New Haven: Yale University Press, 2002.

Young G. Power and the Sacred in Revolutionary Russia. University Park: Pennsylvania State University Press, 1997.